

В. И. Кобзарь

М. В. ЛОМОНОСОВ, М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВ И МЕСТО ФИЛОСОФИИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Два профессора, два великих человека — Михаил Ломоносов и Михаил Владиславлев — занимают особое место в истории философии и логики как наук и учебных дисциплин в Санкт-Петербургском университете. Имена эти хорошо известны уже хотя бы тем, что оба получили профессорское звание в своем университете, оба были в свое время ректорами этого университета и оба не безразлично относились к философии и логике. Однако мало кто знает ту роль, которую они сыграли в становлении и развитии данных наук в университете, в превращении философии в обязательную общеобразовательную университетскую дисциплину. А эта роль дает полное право называть их пионерами, даже родоначальниками философско-логической школы Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербурга в целом. М. Ломоносов в свое время (вторая половина XVIII в.) выразил в своем проекте Московского университета идею о месте философского факультета в университетском образовании России. М. Владиславлев в новых условиях (во второй половине XIX в.) добился признания философии быть обязательной общеобразовательной университетской дисциплиной, в условиях, мягко сказать, подозрительного отношения к философии со стороны власть предержащих.

Стремление М. Ломоносова в рамках Санкт-Петербургского университета «распространять науки» в России и «размножать в отечестве природных ученых» с присуждением им соответствующих научных степеней и званий особого успеха не имело. Да и сам М. Ломоносов получил профессорство лишь в 1745 г. несмотря на

то, что вернулся после пятилетнего обучения в Марбургском университете еще в 1741 г. Обучался он у одного из самых маститых ученых того времени — Христиана Вольфа, поэтому определенно был уже готовым специалистом, тем более что получил от Вольфа отличную характеристику¹. Однако ждать профессорства пришлось целых пять лет. Между тем некоторые студенты, приехавшие в Санкт-Петербургскую академию еще в 1725 г. вместе с приглашенными заграничными профессорами, уже в январе 1726 г. стали профессорами. Столь очевидный дискриминационный подход к отечественным ученым просматривался в действиях руководства Академии с достаточной очевидностью, особенно в первой половине XVIII в.

До 1750 г. во всей России было всего два профессора из природных россиян — М. В. Ломоносов (профессор химии) и В. К. Тредиаковский (профессор красноречия). Надежды М. Ломоносова на свободное возрастание насаждения Петра Великого — его университета, и благодаря этому на замещение со временем природными российскими учеными приглашенных из-за рубежа, так и не сбывались, хотя сам М. Ломоносов прилагал к этому огромные усилия. В конце жизни он горестно признавался, что «претерпевает гонения от иноплеменников в своем отечестве». Оставалось одно — создать российский университет вне досягаемости противников российской науки. А таковыми были, к сожалению, не только те чужестранцы, у которых к «ученым россиянам недоброжелательство примечено», сами малоученые, но и те, кто получил великую власть в науке российской. М. Ломоносов имел в виду прежде всего, конечно, канцеляриста Академии Д. Шумахера и его зятя И. Тауберта. В сущности же в эту же категорию следует включить и тех высокопоставленных россиян, которые по должности и по духу должны были более рьяно претворять в жизнь замыслы Петра I. Это и президент Академии наук граф К. Г. Разумовский, и его приближенный Г. Н. Теплов, долгие годы манипулировавший Академией, и

¹ «Молодой человек преимущественного остроумия Михайло Ломоносов с того времени, как для учения в Марбург приехал, часто математические и философические, а особливо физические, лекции слушал и безмерно любил основательное учение. Ежели впредь с таким же рачением простираться будет, то не сомневаюсь, что, возвратясь в отечество, принесет пользу обществу, чего от сердца желаю. Дан в Марбурге 1739 июля 20». — *Ломоносов Михайло*. Избранная проза. М., 1980. С. 156.

вице-канцлер граф М. И. Воронцов, и граф Г. Г. Орлов, и даже сама Елизавета Петровна, не говоря уж о Екатерине II. Мало, слишком мало они сделали для того, чтобы помочь М. Ломоносову, этому гению народа русского, который только после своей смерти, да и то не сразу, стал общепринято признаваться таковым. А ведь это был человек, который в буквальном смысле живот свой положил ради свободного развития наук в России, ради распространения их через университет и университетскую гимназию в народе российском. Горестно звучит признание М. Ломоносова в письме Г. Н. Теплову от 30 января 1761 г. (и это пишет человек, которому не исполнилось еще и 50 лет!): «Что же до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться, как я уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолода, на старость не покину»². Об этом же прямо-таки кричат и письма Ломоносова вице-канцлеру М. И. Воронцову 5 февраля и 18 июня 1763 г.: «Итак, не могу больше терпеть таких злодейских гонений, и сил моих нет больше спорить, и наконец намерен остатки изнуренных на науки и на тщетные споры дней моих препроводить в покое, который мне двумя способами от всемилостивейшия государыни пожалован быть может»³.

Ломоносов рассчитывал на то, что императрица либо передаст в его полное ведение «все до наук надлежащие академические департаменты», чтобы он не зависел от чиновника И. Тауберта, светский чин которого был выше, чем у М. Ломоносова, либо уволит его с работы. Екатерина II повела себя непоследовательно. Вначале она уволила М. Ломоносова с присвоением ему очередного чина — статского советника, чем уравнила его с И. Таубертом. Потом, отменив увольнение, отменила и присвоение чина. М. Ломоносов, таким образом, будучи профессором, остался коллежским советником, т. е. оказался в подчинении у старшего библиотекаря Академии наук И. Тауберта, в сущности в науке ничего не значащего, но зато статского советника: при появлении последнего на заседаниях Академии М. Ломоносов должен был, как низший по табели о рангах, вставать. Для Ломоносова-ученого, признанного ведущими академиями мира, это было унижительно. Потом императрица все-таки присвоила ему этот чин, но тем лишь уравнила его с И. Таубертом.

²Там же. С. 142.

³Там же. С. 150.

Все это не могло не сказаться на и без того расшатанном здоровье М. Ломоносова, и вскоре он умер.

Много сил и времени отдавая рассмотрению способов исправления дел в Петербургской академии наук, академическом университете и гимназии, М. Ломоносов обращался по этому поводу и к руководству Академии, и к сановникам, приближенным ко двору, однако успеха его хлопоты не имели. Верх всегда брала шумахеровская группировка, далекая от науки, но близкая ко двору. Не лучшую роль в этой драматической борьбе играл Г. Н. Теплов, казалось бы, тоже природный россиянин и выходец из простого народа. Оставалась надежда на создание удаленного от этой группировки Московского университета. Обращаясь по поводу проекта Московского университета к графу И. И. Шувалову, М. Ломоносов явно соглашался на роль второстепенного, а то и стороннего человека в этом предприятии, лишь бы проект был реализован, не претендуя ни на что. В своих рекомендациях М. Ломоносов явно руководствовался убеждением, что значительные и быстрые успехи наук бывают «достигнуты ими с тех пор, как сброшено ярмо рабства и его сменила свобода философии (курсив мой. — В. К.)»⁴. Поэтому, говоря о Московском университете как источнике «приращения наук» в отечестве, а следовательно, «к истинной пользе и славе отечества» служащем, он высказал в письме И. Шувалову в июне-июле 1754 г. свое мнение об учреждаемом университете: «Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах: в юридическом три (профессор юриспруденции вообще, профессор юриспруденции российской и профессор политики), в медицинском — тоже три (доктор и профессор химии, доктор и профессор натуральной истории, доктор и профессор анатомии), в философском же шесть (профессор философии, профессор физики, профессор оратории, профессор поэзии, профессор истории, профессор древностей и критики)»⁵.

Сопоставление одного только числа профессоров на факультетах будущего университета говорит о том, что философский факультет в представлении М. Ломоносова должен был выполнять самую существенную роль в университетском образовательном процессе, роль ядра, или специфического поля интеллектуального раз-

⁴Там же. С. 119.

⁵Там же. С. 172.

вития молодых людей, роль фундамента естественнонаучного и особенно — гуманитарного общекультурного развития. К сожалению, и в Московском университете поначалу научный тон задавали тоже не природные россияне, но фактом остается то, что одними из первых профессоров здесь были ученики М. Ломоносова и выпускники Санкт-Петербургского академического университета: Антон Барсов, Алексей Константинов, Николай Поповский и Федор Яремский.

Философия в XVIII в. понималась, конечно, не совсем так, как в наше время. Логика хотя и мыслилась неотъемлемо от философии, но воспринималась в комплексе с грамматикой и риторикой. Так ее понимал и представлял себе и М. Ломоносов. Об этом свидетельствуют его работы, посвященные этим дисциплинам. И об этом же говорит сообщение его зятя и бывшего ученика А. Константинова, утверждавшего, что он видел подготовленную М. Ломоносовым примерно в начале 50-х годов XVIII в. рукопись «Логики», занимавшую «серединное» место между грамматикой и риторикой, и эта рукопись, утверждал он, никому дотоле не была известна. Место логики в этой цепочке вполне соответствует распространенной тогда российской традиции: грамматика учит правильно писать и говорить, логика — правильно рассуждать, а риторика — «красно» выступать. То есть логика воспринималась как вспомогательная, прикладная наука для более возвышенного, социально значимого — для оратории. И у М. Ломоносова можно найти много образцов такого именно отношения к логике, да и его работа «Краткое руководство к красноречию» (СПб., 1748) свидетельствует о том же.

Прошло столетие. Философия в Санкт-Петербургском университете за это время претерпела многое. Это и «Дело о С.-Петербургском университете в 1821 г.», по которому одного из самых талантливых и перспективных преподавателей философии — Александра Ивановича Галича — лишили права преподавать философию; это и формирование в 1835 г., согласно новому Уставу университета, условно говоря, «чистого» философского факультета; это и запрет философии в 1850 г., упразднение философского факультета и кафедры философии; это и восстановление преподавания философии в 1859 г., а вместе с этим и воссоздание кафедры философии. Философии досталось всякого. Она была постоянно зависимой то от религии, то от политики, но более всего — от бюрократического

аппарата государственной системы. Свободы философии, о которой говорил М. Ломоносов, так и не было.

В Регламенте Академии наук еще в XVIII в. было записано положение, обязывающее профессоров не учить ничему, что противно православной вере, добронравию и форме правительства. Это не совсем согласовывалось с позицией Петра Великого, признававшего, что науки не терпят принуждения. Административная забота о нравах граждан и привела к запрету философии в 1850 г. как рассадницы вольнодумства («вольтерьянства» и «роберспьеризма»). Однако по прошествии примерно десяти лет стало очевидно, что запрет на философию самым дурным образом сказался на нравах и взглядах молодых людей. Среди них широкое распространение получил нигилизм, оказавшийся самым худшим вариантом философии, потому что отрицание философии — тоже философия. Но в силу своей содержательной скудости, односторонности и негативизма эта философия оказалась самой убогой. Об этом как раз и говорилось в письмах из учебных округов в правительство. В 1859 г. формально, а фактически с принятием нового университетского Устава в 1863 г. философию восстановили как предмет университетского образования и возродили кафедру философии. Из-за отсутствия в университете светских преподавателей философии на первых порах ее преподавал бывший профессор Духовной академии отец Ф. Ф. Сидонский, специально приглашенный для этого в университет. В 1866 г. к нему присоединился вернувшийся из Германии (по окончании стажировки для совершенствования своего философско-логического образования) Михаил Иванович Владиславлев (1840–1890).

Именно с приходом М. И. Владиславлева и связан исторически новый период развития философии в университете, новое ее место в образовательном процессе. Он, по сути дела, реализовал, осуществил замысел М. Ломоносова спустя столетие: добился признания философии в качестве обязательной, общеобразовательной университетской дисциплины. Этот статус философии сохранился и до сей поры. Правда, и в XX столетии философии и логике в нашей стране немало досталось. «Философию — за борт!» — призывали в 20-х годах XX в. Формальную логику как антидиалектику на долгие четверть века изъяли из образовательного процесса.

В первых своих публичных лекциях по философии, в первых публикациях, прежде всего, конечно, в «Журнале Министерства

народного просвещения» (ЖМНП). в «Отечественных записках», «Эпохе» и некоторых других, М. Владиславлев подверг анализу положение философии в системе народного образования, в системе наук, ее место, роль и задачи в обществе. «Семилетнее изгнание ее из университетов, — говорил он, — принесло свои плоды. Уровень развития стал падать, а главное, разные лжеучения не встречали никакого себе отпора ни на университетской кафедре, ни в литературе. Философия отомстила за свое изгнание тем, что вместо себя послала к нам доморощенный материализм, погубивший многие молодые головы».⁶ Молодежи же вообще, по мнению М. Владиславлева, свойственна «жажда» иметь ответы на вопросы, несомненно, мировоззренческого, философского характера. Поскольку университетское образование никогда не дублировало узкоспециальное, например, техническое, а наоборот, охватывая собой самый широкий спектр наук, давало общенаучное, мировоззренческое, гуманитарное образование, что и отличало университеты от институтов и академий, университету нельзя было пренебрегать таким могущественным общеобразовательным средством, как философия, ее история, в том числе логика и психология. Поэтому-то, считал М. Владиславлев, изучение философии должно стать неотъемлемой частью общего образования не только на всех факультетах университета, но даже в гимназии. Понятно, это не сделает всех молодых людей философами, но хотя бы покажет им пример, приучит к умению умозрительно охватывать предметный мир, иметь общий взгляд на него, приучит к самоанализу, умению держать в центре своего внимания предмет рассмотрения, т. е. приучит к логической дисциплине. Философия предполагает *осмысление* как мыслительных процедур, так и соответствующих законов, которым мысли подчиняются и которые, как правило, большинством необразованных людей не осознаются, а выполняются лишь на интуитивном, стихийном, а то и подсознательном уровне. Другими словами, это приучит молодых людей к строгости, точности, последовательности, т. е. интеллектуальной самодисциплине.

Да, признавал М. Владиславлев, философия «не улучшает наши пути сообщения, не создает вещей»⁷, однако равнодушие к фило-

⁶ Владиславлев М. И. Положение философии в нашей системе образования // ЖМНП. 1867. Ч. LXXXIII. С. 372.

⁷ Владиславлев М. И. Современное положение философии и ее задачи // Отечественные записки. 1866. Октябрь. С. 539.

софии, пренебрежение к ней, «замкнутость современного человека для философских влияний порождают вялость мысли»⁸, отсутствие всеобщего участия в осмыслении философских тем, проблем и вопросов, ослабляет общественную энергию. Ни в чем так не нуждается философия, как в критике, и нет ничего пагубнее для нее, как ее непризнание, нераспространение, равнодушие к ней. Даже раздражительность и ожесточенность, с которой обычно встречаются все новое, и то предпочтительнее, чем запрет, умолчание. «Ничего не принимая на веру, не допуская ничего без проверки и сличения, философия может быть, наконец, освобождена от предзаятых убеждений...».⁹ Ее перспективное развитие М. Владиславлев видел в том, что более чем когда-либо в философии потребны это «гармоническое сочетание реального направления с идеальным» и союз единомышленников. Такому сочетанию обязано своим блестящим состоянием, например, естествознание. Философия, полагал М. И. Владиславлев, достигнет этого в будущем.¹⁰ Эту мысль М. Владиславлева следует воспринимать как исторически первую заявку на создание философского сообщества России.

Научно-пропагандистская, общественная, педагогическая и административная деятельность М. Владиславлева со временем принесла свои плоды. Ведь М. Владиславлев был не только заведующим кафедрой философии историко-филологического факультета, но и деканом этого факультета с 1885 г., а с 1887 г. и ректором университета. Если в начале его педагогической практики философия была возвращена только на историко-филологический факультет и преподавалась всего лишь в течение года на последнем курсе, то в результате активной деятельности М. Владиславлева ее стали преподавать на первых двух курсах всех факультетов университета.

Такое положение философия сохраняет в университетах и по сию пору, несмотря на те гонения, которые она претерпела в 20-е годы XX в. в послереволюционной России. Философии, как видим, не везло в России всегда. Даже сейчас еще можно встретить предложения об упразднении философии, выведении ее если и не из числа учебных дисциплин вообще, то хотя бы из числа обязательных предметов кандидатского минимума. Такие предложения более чем странны. Они игнорируют достигнутое как отечественной,

⁸Там же. С. 540.

⁹Там же. С. 545.

¹⁰Там же. С. 560.

так и мировой системами образования. Достаточно известно, что человечество не выработало другого, более эффективного способа развития собственного интеллекта, как только через изучение всей предшествующей философии. Это признавал еще классик марксизма Ф. Энгельс. Западноевропейские университеты со времени своего основания не исключали философию в различных ее проявлениях (теософия, логика, психология и пр.) из числа образовательных дисциплин. Неужели философия никогда не станет свободной наукой, каковой ее видели М. Ломоносов и М. Владиславлев? Свободной от административной опеки, бюрократического произвола, вульгаризаторских представлений о ней некоторых узкопрофессиональных специалистов, руководителей Академии наук и министерств? Проанализировав опыт XIX столетия с его экспериментами над философией, М. Владиславлев достаточно ясно показал бесперспективность подобной политики. Неужели сейчас наступают очередной виток экспериментирования с философией?

Как и прежде, философия, конечно же, отомстит за себя. Сама по себе она мало что потеряет от преследования или игнорирования, а вот мы потеряем значительно больше. Пострадает прежде всего молодое подрастающее поколение, учащиеся, интеллект будущего общества. Ведь философия — это то предметное поле, которое общностью своих проблем, их безграничностью, беспредельностью, их принципиальной неразрешимостью как раз и притягательно для интеллектуальных усилий, это попытка самостоятельного, самостоятельного их разрешения, а к самостоятельности естественно стремится любой мыслящий человек, и философия неотъемлемо будет сопутствовать каждому новому поколению пытающихся осмыслить мир людей.

Усилия М. Владиславлева увенчались реализацией его замыслов. Его научными трудами, неутомимой педагогической и общественно-пропагандистской деятельностью была сформирована философско-логическая «школа» Санкт-Петербургского университета. Она породила плеяду талантливых учеников, к числу которых относятся общеизвестные ныне ученые, такие как А. И. Введенский, Н. Я. Грот, Н. Н. Ланге, Э. Л. Радлов, Л. В. Рутковский и некоторые другие. Показателем формирования этой школы может служить тот факт, что именно при Петербургском университете в 1898 г. было создано Философское общество, председателем которого был избран А. И. Введенский. Именно в университете в 1880 г. проходила

защита самой яркой по оригинальности, самобытной по логическому содержанию докторской диссертации М. И. Каринского «Классификация выводов». Не случайно и то, что В. Соловьев защищал кандидатскую (1874) и докторскую (1880) диссертации по философии не в Московском университете, где учился, а в Петербургском во время деканства М. Владиславлева. Работы М. И. Каринского и В. Соловьева имели резонанс и на Западе, дали западному научному сообществу представление о сформировавшихся специфически российских философии и логике. Этому, на мой взгляд, способствовала и одна из оригинальных работ самого М. Владиславлева, которую мало анализировали в нашей отечественной логико-исторической литературе, — его книга «Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной» (СПб., 1872). Между тем в ней много не только интересного, но и оригинального, поучительного, пропагандистского. Автор старался не только «ясно и вразумительно изложить перед русским читателем сущность различных логических приемов и указать их значение и смысл для научного и практического мышления», но и «во многих случаях позволял себе *самостоятельно* (курсив мой. — В. К.) смотреть на сущность и значение логических приемов».¹¹

«Логик» М. Владиславлева отличает тщательно разработанная структура, можно сказать, логичное построение самой работы. При этом логическое содержание тесно увязывается с психологическим, языковедческим и познавательным, что делает работу М. Владиславлева *практически* ориентированной. Но не меньшую ценность представляет приложение к «Логике» — исторические очерки. По объему и тщательности представления аристотелевской логики, исторических ее судеб они, в особенности же очерк о схоластической логике, не имеют в русской учебной литературе аналога, их образовательное значение огромно. Очерки раскрывали глаза на тысячелетнюю историю науки, давая общее представление о динамике ее развития, об изменении ее предмета, о взглядах на понимание сущности логических проблем в различные эпохи совершенно неизвестных или малоизвестных в России ученых. И это

¹¹ Владиславлев М. И. Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. СПб., 1872. С. XIII.

не только Бозций и его труды по логике, не только Ансельм Кентерберийский, Вильгельм из Шампо, Бернал Шартский, Абеляр, Ф. Аквинат, Петр Испанец, но и Росцеллин, Михаил Псел, Вильгельм Шервуд, Р. Луллий, П. Раме, ну и, конечно, Р. Декарт, логика Пор-Рояля, логика Х. Вольфа, И. Канта, И. Гербарта и др. Что же касается индуктивной логики, то работа М. Владиславлева была просто пионерской в России. Можно даже сказать, что только М. Владиславлев произвел объединение этих двух ветвей логики, дедуктивной и индуктивной, которое в то время так и не было сделано в Западной Европе. Из индуктивистов им рассмотрены Ф. Бэкон, И. Ньютон, Д. Гершель, У. Уевелль, Д. С. Милль и др.

И если относительно довольно известной «Логики» отечественного автора В. Н. Карпова М. Владиславлев имел основания считать, что она осталась недооцененной, возможно, из-за присущих ей недостатков, то относительно «Логики» самого М. Владиславлева у нас есть основания считать, что она осталась недооцененной, не использованной даже частично при всех присущих ей достоинствах. Пострадали, в конечном счете, специалисты, обучающие и обучаемые, вынужденные как бы заново открывать давно и хорошо известное.

После смерти М. Владиславлева в 1890 г. созданная им школа продолжала развиваться. Его преемник А. Введенский по-своему разрабатывал и логику, и философию, и психологию. Ученики А. Введенского сами стали создателями новых разделов философии (Н. О. Лосский), логики (С. И. Поварнин), социологии (П. А. Сорокин). Правда, продолжалось это недолго. После 1919 г. все пошло на убыль, а после изгнания в 1922/1923 г. университетских профессоров философии не только из города, но и из страны школа М. Владиславлева как бы пресекается. А. Введенский уходит на пенсию и вскоре умирает. На двадцать лет покидает университет С. Поварнин. В университете долгие годы оставался один единственный философ — М. В. Серебряков, тоже учившийся у А. Введенского, но в силу своего революционного прошлого не подвергшийся гонениям. Каждый из них, наверное, по-разному хранил память о прошлом, и вряд ли они предвидели, что вскоре для философии и логики наступят лучшие времена.

А времена такие наступили, и момента возрождения интереса к философии и логике ни С. Поварнин, ни М. Серебряков не пропустили. С. Поварнин хотя и был вне университета, еще весной

1939 г. написал письмо И. В. Сталину, в котором просил сдвинуть с мертвой точки вопрос об изучении умозаключений и доказательств. М. Серебряков же как декан образованного в 1940 г. философского факультета ЛГУ еще в 1943 г. в Саратове (в эвакуации) ввел курс логики и ее истории в образовательный процесс факультета. А в 1944 г., когда университет вернулся в Ленинград, М. Серебряков способствовал приглашению С. Поварнина на факультет для чтения логики. Он же пригласил на факультет и перспективного психолога Б. Ананьева, и В. Мясищева, как бы восстанавливая старые традиции, когда философия, логика и психология развивались в тесной и порой неразрывной связи.

Трудно охватить единым взором всю ту научную продукцию философского факультета, которая в определенной степени продолжает начатое философско-логической школой М. Ломоносова и М. Владиславлева в Санкт-Петербургском университете. Что же касается логических исследований, то тут проще. Главное, что следует отметить из сделанного сотрудниками кафедры логики, учениками учеников С. Поварнина и М. Серебрякова, обозримо: это статьи С. Поварнина по логике, монографии Н. П. Попова «Определение понятий» (Л., 1954), А. М. Плотникова «Генезис основных логических форм» (Л., 1967), В. С. Бачманова «Методологические вопросы формальной логики» (Л., 1969), подготовленный коллективом кафедры учебник для философских факультетов университетов «Формальная логика» (Л., 1977), учебник для студентов гуманитарного образования «Основы логических знаний» (СПб., 1994), учебник «Символическая логика» (СПб., 2002) и некоторые другие работы.